

Марков Владислав Львович

Курские порубежники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владислав Львович М.**
Курские порубежники / Марков Владислав Львович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 446 с.

ISBN 978-5-519-95467-9

ISBN 978-5-519-95467-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

„А мои ти Куриане свѣдоми кмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлелеяны, ко-
нецъ копія възкрѣмлени, пути имѣ вѣдоми,
яруги имѣ знаемы, луци у нихъ напряжени,
тули отворени, сабли изострени. Сами ска-
чутъ акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищущи себѣ
чти. а князю славы.“

Слово о плъку Игоревѣ.

Сентябрьскимъ утромъ 1603го года, трое вершниковъ медленно двигались Муравскимъ шляхомъ къ украинскому городу Ливнамъ, что на Пососенской сторожевой линіи. Добрые взмыленные кони, подобравши животы, шли размашистымъ шагомъ, говорившимъ за ихъ выносливость и походную привычку.

На ворономъ, какъ смоль, аргамакъ съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ и длинною пушистою чолкой, закрывавшею его злые глаза,—ѣхалъ молодой стрѣлецкій голова, снаряженный словно въ бой. Молодцоватый станъ его кругло выказывался изъ-подъ тяжелаго бахтерца, кольчуги изъ мелкихъ стальныхъ колець, надѣтой поверхъ суконнаго полукафтаны; то была надежная рубашка, желѣзная, съ высокимъ, плотно застегивавшимся кольчужнымъ воротомъ и съ кольчужными же рукавами. На груди, ради крѣпости, въ кольца кольчуги были искусно вплетены ряды булатныхъ пластинокъ, насѣченныхъ золотомъ. Ременные застѣжки на груди бы-

ли защищены отъ удара красиво нанизанною серебряною чешуей. Кольчужные наколѣнники, бутурлики, пристегнутые ремнями же, прикрывали колѣна. Черезъ плечо, на широкомъ ременномъ гайтанѣ съ серебряною пряжкой, висѣла за спиной, дорогая по тому времени, пицаль-скорострѣльная, со стволомъ до половины граненымъ и съ казенною частью на которой были вырѣзаны травы и латинская надпись мастера Нѣмца. У бедра качалась кривая сабля, которою сразу можно было признать за персидскую, по красиво изогнутой ручкѣ, горѣвшей черненнымъ серебромъ, и по алымъ сафьяннымъ ножнамъ съ серебряными наконечникомъ и кольцами.

Стрѣлецкій голова ловко сидѣлъ на сѣдлѣ съ высокимъ кизильбашскимъ арчакомъ, обитымъ алымъ бархатомъ. Кольчужный чалдаръ, то-есть подсѣдельная попона, подложенная войлокомъ, чтобы не терла шерсти, покрывала коня до самого хвоста. Два кожаные мѣшка, переброшенные черезъ заднюю луку, замѣняли торока. Мѣдный козырь шлема, или, по тогдашнему, ерихонки, шапка красного желѣза съ наушниками и срѣзаннымъ вверху остриемъ, пристегнутый подъ круглымъ подбородкомъ ремнемъ съ мѣдными чешуями, позволялъ видѣть красивое лицо всадника. Бармица, затыльникъ, изъ семи золотыхъ насѣченныхъ щитковъ, прикрывалъ его затылокъ. Напередѣ шлема былъ изображень Архистратигъ Михаилъ и вычеканена надпись: „Великій Архистратиге Господень Михайле помози рабу твоему Глѣбу“. По обычаю путниковъ того времени, у юноши на шеѣ были навязаны наузы, то-есть ладонки съ травами и кореньями, въ предохраненіе на пути, не близкомъ и не безопасномъ. Его спутникъ былъ

тучный, красноносый и краснолицый монахъ, съ сѣдою, кудреватую бородой и безпечнымъ видомъ. Изъ-подъ широкой черной суконной рясы на заячьемъ мѣху, надѣтой на распашку, виднѣлся чернѣйшій подрясникъ и широкій, яркими шелками расшитый поясъ; щегольскіе сапоги и высокая дорожная соболья шапка, покойное и недешевое сафьянное сѣдло—все было подѣлавать круглымъ лоснившимся здоровымъ загаромъ щекамъ, веселымъ, маслянымъ голубымъ глазамъ, бѣлымъ круглымъ рукамъ, этой тѣлесной дородности, изукрашенной сѣдою, тщательно расчесанною окладистой бородой, сѣдыми, но густыми волосами, заплетенными, ради чистоты, въ косу. Упитанный монахъ съ доброю усмѣшкой покачивался въ сѣдлѣ, которое лѣниво несла вислоухая бѣлая кобыла. Въ тѣ безпокойныя времена монашествовавшимъ доводилось не только дѣлать верхомъ большія дороги, но нерѣдко защищали они стѣны своихъ обителей не однимъ крестомъ.

Нѣсколько сзади ихъ ѣхалъ конный стрѣлецъ. На немъ былъ куякъ, калмыцкая броня, состоявшая изъ грубаго кафтана, къ которому гвоздиками прикрѣплялись желѣзныя пластинки, закрывавшія отъ меча грудь, спину и плеча. Миссюрка, желѣзная шапка въ видѣ черепа, съ кольчужною бармицей, красные сапоги; сабля и пицаль составляли его вооруженіе. Старый шрамъ тянулся красноватою полосой отъ лѣваго уха къ носу, онъ, вмѣстѣ съ выбитымъ и навѣки закрывшимся лѣвымъ глазомъ, придавалъ стрѣльцу съ востренькою рыжею бородкой зловѣщее выраженіе. Стрѣлецъ словно все хмурился лѣвымъ глазомъ, можетъ-быть потому его прозвали „Сычомъ“. Мрачный съ виду, широкій и коротконогій, стрѣлецъ напоминалъ увальня, о которомъ

говорятъ: „не ладно скроентъ, да крѣпко спать“. На своемъ неуклюжемъ, какъ самъ онъ, толстомордомъ и волосистомъ конѣ, по достоинству названномъ *Техмеремъ*, Сычъ лѣниво дремалъ подъ однообразно-унылое и безсвязное болтанье гремушки надъ глазомъ чалой монастырской кобылицы, впряженной въ колымагу, повидимому не пустую и взятую отцомъ-келаремъ въ такой большой путь ради человѣческой немощи: гдѣ присѣсть, а то и подкрѣпить, егда взалкаеть, скуднымъ запасомъ животы свои.

Почтенная лѣтами и заслугами, пузатая и обезхвостѣвшая кобылица съ явною досадой отмахивала остаткомъ хвоста докучныхъ оводовъ, поглядывая, черезъ дугу, на бѣжавшаго сбоку высокаго тонконогаго жеребенка. Своенравному ходу почтенной кобылицы несколько не мѣшалъ храпѣвшій возница. Огромный служка братъ Зосима, въ засаленномъ черномъ колпакѣ, надвинутомъ на самые глаза, съ торчавшею сзади салюною косицей, иногда, на толчкѣ, безсознательно взглядывалъ утонувшими въ подушкахъ щекъ тупыми, безцвѣтными глазами. Въ этой мощной, широкоплечей тушѣ страннымъ образомъ сочеталась тѣлесная сила съ духовнымъ ничтожествомъ. Именно выраженіе ничтожества, глупаго и лѣниваго, было на его кругломъ, широкоскуломъ, жиромъ заплывшемъ лицѣ, обросшемъ кочьями сваявшейся бородки. Свѣсивъ ноги въ грязныхъ сапогахъ съ грядки повозки, уткнувъ въ грудь подбородокъ, служка держалъ въ рукахъ пенечныя вожжи только изъ боязни отца-келаря. Пыльный подрясникъ грубаго сукна, перепоясанный широкимъ ремнемъ, оканчивался грязнымъ подоломъ.

Настроеніе стрѣлцаго головы и стараго чернеца

было не веселое и не замедлило отразиться въ разговорѣ.

— Тяжкое испытаніе наслано на Святую Русь и на вѣру православную, сказалъ монахъ:—голодъ, волненія народныя, невѣріе; а тутъ еще, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—чай слышалъ, сотникъ, молву о царевичѣ Дмитріѣ?

— Какъ не слыжать, коли вездѣ по сторожевымъ гранямъ заставы подѣланы, и пропуску нѣтъ ниже по опаснымъ царевымъ грамотамъ. Не пугаетъ меня, отче, борьба съ иноплеменниками, но возмущаюсь видя крамолу своихъ измѣнниковъ. Больно внимать слухамъ о царевичѣ Дмитріѣ, Знаю, хорошо знаю откуда они, гдѣ подняты и какимъ вѣтромъ ихъ разноситъ. То папѣжскія козни — злѣе огня, глада и мора, то крамольники Сѣверскіе, что себя боярами Русскими величаютъ, а они токмо злодѣи и погубители своего народа.

Горячность, съ какою голова выражалъ свое убѣжденіе, вполне раздѣлялась монахомъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ милостей царскихъ, выразившихся не въ однихъ ласковыхъ словахъ, но и въ значительныхъ дарахъ Коренской пустыни, тучный коренской келарь тѣмъ болѣе былъ расположенъ къ Борису что получилъ на этотъ предметъ самыя строгія и положительныя внушенія патріарха Іова, для передачи ихъ коренскому игумену.

— Говорятъ, Дмитрій, или вѣрнѣе самозванецъ, поторопился прибавить монахъ,—вооружается въ Литвѣ чтобъ идти на царя... онъ, говорятъ, на Рыльскъ пойдетъ, на нашу сторону?

— Не преминетъ. Вѣдомо чай ему каково любовно его на Украинѣ встрѣтятъ; ему сюда идти вѣрный раз-

четь: казакамъ — за кого стоять все едино, лишь бы грабить да рѣзать...

— Но что же съ нами-то будетъ, съ обителю Коренскою? что намъ чернецамъ дѣлать?

— Долгъ мой и твой, отче, какъ долгъ воиновъ меча и креста — не бросать своего царя и свою родину; что до меня — рѣчи мои коротки и тверды: погибну съ царемъ, но не измѣню. На томъ цѣловаль крестъ Борису царю стрѣлецкій голова Глѣбъ Верещагинъ.

Какъ значительная часть разсудительныхъ людей того времени, Глѣбъ сознательно стоялъ за Бориса. Въ силѣ царя Бориса, въ необходимости его для Руси онъ видѣлъ его законность. Глубже и очищеннѣе своихъ бородатыхъ и особливо, „старыхъ“ современниковъ смотрѣлъ Глѣбъ на значеніе для Россіи Бориса и на безконечную опасность Россіи безъ Бориса. Въ общемъ обвиненіи Годунова въ углицкомъ убійствѣ сына Грознаго, царевича Дмитрія, и въ похищеніи хитрымъ Татаринномъ, потомкомъ мурзы Чети, престола Мономахова — Глѣбъ видѣлъ главнымъ образомъ дѣло зависти и козней многочисленныхъ враговъ царя. Честную душу его возмущало поверхностное вниманіе народа къ слухамъ о царевичѣ Дмитріѣ, поднятымъ кознями папистовъ, для него очевидными. Но, къ досадѣ его, слишкомъ ловко и смѣло подхватила эти слухи старобоярская партія, къ которой принадлежали личные недоброжелатели царя, именитые и родовые бояре, считавшіе безчестіемъ для себя преклоняться предъ тѣмъ, кто такъ еще недавно, и въ думѣ и въ рати, сидѣлъ ниже ихъ мѣстами, и котораго истинный смыслъ великаго правителя, великаго двигателя невѣжественной Руси на новый для нея путь къ просвѣщенію они или не умѣ-

ли понять, или не хотѣли. Тяжеле всего въ положеніи Глѣба было сознаніе, что не поймутъ многіе изъ его земляковъ, его родные, почему онъ, Глѣбъ Верецагинъ, твердо сталъ за Бориса царя именно въ ту минуту, когда зашаталась Русская земля; почему онъ готовъ былъ даже жизнью заплатить за довѣріе, которое высказалъ царь къ нему, безбородому юношѣ, пославъ его стоялымъ головой, помимо старослуживыхъ начальниковъ, въ Курскъ, на постъ отдаленный и, въ военномъ отношеніи, столь почтенный, куда со временъ Грознаго, назначались люди испытанной доблести и вѣрности. Понималъ Глѣбъ, что главною жертвой соединенныхъ польскихъ и русскихъ козней станетъ темный народъ; что боярское тщеславіе и чванная зависть отдадутъ этотъ беззащитный, безотвѣтный темный народъ папешской злобѣ и польскимъ панамъ, обрадовавшимся такому счастливому для нихъ сочетанію событій, могущихъ привести Москву въ зависимость отъ Кракова... И ужасался Глѣбъ при этой мысли, трепеталъ за православіе и самостоятельность Руси... Ему ли не постоять за дѣло, которое онъ считаетъ русскимъ и правымъ дѣломъ?

Такъ думалъ юноша, въ то время какъ спутникъ его вслухъ жаловался на худыя времена и боялся за святую Коренскую обитель, стѣны которой еще не поставлены, и которая, по этому, можетъ привлечь къ себѣ дерзкихъ негодяевъ, наполняющихъ сѣверскіе и курскіе лѣса. Было чего задуматься. Наступили тяжелыя времена для Россіи. Другой годъ длился неслыханный всеобщій голодъ, породившій страшную смертность, беспорядки и движеніе голодныхъ холопей, прогнанныхъ боярами и отчинниками, не имѣвшими хлѣба, въ Сѣвер-

скій край и Посемье. Здѣсь, напротивъ, хорошіе урожаи позволяли приберечь большіе запасы хлѣба; особливо въ Курской сторонѣ. Чѣмъ ближе подвигались путники къ Курскому городу, тѣмъ ощутительнѣе убѣждались въ томъ ихъ желудки, къ особенному удовольствію тучнаго отца келаря. За то безправіе и грабежъ царили среди всевозможныхъ опасностей въ тѣхъ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ, куда назначилъ царь Глѣба „стоялымъ головой“. Опасности путешествія слишкомъ замѣтно увеличивались по мѣрѣ отдаленія отъ стольнаго города и приближенія къ грани Пососенской: путники могли въ этомъ убѣдиться собственнымъ опытомъ. Что значила бы царева опасная грамота, когда грамоту эту пришлось бы вдругъ предъявить Васыкѣ Косолапу, атаману огромнаго скопища разбойниковъ? А свѣдѣнія о многочисленной, буйной силѣ Косолапа получали наши осторожные путники съ каждымъ днемъ свѣжѣе и свѣжѣе. И всѣ эти свѣдѣнія были неутѣшительны. Глѣбъ еще на Москвѣ зналъ Косолаповой шайкѣ, кишившей въ Тускарскихъ лѣсахъ и собиравшейся съ дерзкою цѣлью идти на Москву; грозилъ ей пожаромъ, а царю съ боярами смертью; зналъ и то что правительство царское далеко не пренебрегало опасностью грозившею отъ курской сволочи. Все это сообразилъ пытливый и вдумчивый умъ Глѣба. „Какую помощь можетъ оказать келарю храбрый царскій слуга самъ-другъ, съ своимъ стрѣльцомъ противъ сотень и тысячъ Косолаповыхъ удалцевъ?“ печально думалъ онъ.

„Муравка“, бойная дорога, пролежала по широкимъ полямъ, перебрасывалась черезъ крутые овраги, врѣзывалась въ хмурые лѣса, рассыпая по сторонамъ крѣп-

кіе дворы. Въ одномъ мѣстѣ они нагнали тяжелый обозъ царскихъ ямщиковъ, слѣдовавшій, при приказныхъ стрѣльцахъ и земскомъ ярыжкѣ, изъ Москвы въ Ливны городъ, съ боевымъ зельемъ, мушкетами, чугунными пушками и ядрами для пососенской сторожи, для остроговъ: Оскольскаго, Курскаго и Бѣлогородскаго. Ъхавшій сзади обоза, верхомъ, пузатый ярыжка, съ багровою угреватою рожей и пьяными глазами, остановился предъ рогоженною будкой брата Зосимы и многозначительно поднялъ свою тяжелую плеть.

— Царской клади дорогу, по царёву указу! засипѣлъ хриплый голосъ ярыжки, на груди котораго нашіта была мѣдная бляха, знакъ его должности.

Къ величайшему его гнѣву, мирно почившій сномъ праведника братъ Зосима продолжалъ кивать своею нечесанною головой въ суконномъ колпакѣ, дружелюбно слѣдуя всею своею огромною фигурой за толчками повозки; подбородокъ его клевалъ плечо, а сальная косица словно кивала ярыжкѣ.

— Царская кладь! повторилъ ярыжка еще сильнѣе и неистовѣе, и плеть его упала на широкую спину служки; тотъ проворно соскочилъ съ облучка, съ сонною рожей и глазами раскрытыми страхомъ.

— Лѣшій! Бѣлмы тѣ высадило! не видишь! не видишь! свирѣпо накинулъ ярыжка на брата Зосиму:— Гляди! гляди! гляди!—и онъ нещадно застегалъ длинную плетью по крутымъ бокамъ кобылицы: старая лошадь выказала болѣе характера чѣмъ оказалось у брата Зосимы. Въ то время какъ лѣнивый служка ударился въ постыдное, но спасительное бѣгство, бросивъ колымагу и кобылицу на произволъ свирѣпаго ярыжки, — почтенная кобылица на градъ ударовъ отвѣчала упорнымъ

ляганьемъ и упорнымъ же мотаньемъ головы; убѣдительные удары плети не смогли свернуть разумную скотину съ битой дороги на пахоть. И только подбѣжавшіе съ палками стрѣльцы стащили вошедшую въ задоръ кобылицу, за поводъ, съ дороги, чѣмъ вполне удовлетворился ярыжка, наблюдавшій пьяными глазами за тѣмъ, чтобы ни пѣшій, ни конный не осмѣлился приближаться къ боченкамъ съ пороховою казной. Такимъ образомъ наши вершники, а за ними братъ Восима, совершенно проснувшійся, благодаря ярыжкиной плети, и снова качавшійся на облучкѣ, попрежнему согнутый въ три погибели, обогнали, рысью, длинный обозъ, глухо гремѣвшій своими тяжело-нагруженными телѣгами. Небольшія, крѣпкія московскія лошади, больше въ одиночку, медленно шли одна за другою подъ высокими дугами, таща телѣги съ большими ящиками, ушитыми въ рогожу, и дубовыми боченками. Длинная вереница все уменьшающихся дугъ исчезала въ оврагѣ.

А мѣстность замѣтно измѣнилась. Тянувшіеся цѣлыми днями въ виду путниковъ и возлѣ нихъ, сплошною мрачною полоской, лѣса Амченской стороны, указывавшіе, вправо отъ себя, извилистое теченіе Оки,—исчезли. Лѣсной характеръ постепенно смѣнялся болѣе степнымъ. По сторонамъ Муравки виднѣлись жилыя мѣста, людныя села съ блестящими церковными крестами. Вдали, на фонѣ сгустившихся синнихъ тучъ, красиво бѣлѣлись, на высокой мѣловой горѣ, церкви и каменные стѣны Ливенскаго городка. Въ тучахъ погромыхивало и порой бороздила красная молнія. Путники приближались къ рѣкѣ Быстрой Соснѣ, исторической грани Русскаго государства съ землями степныхъ народовъ.